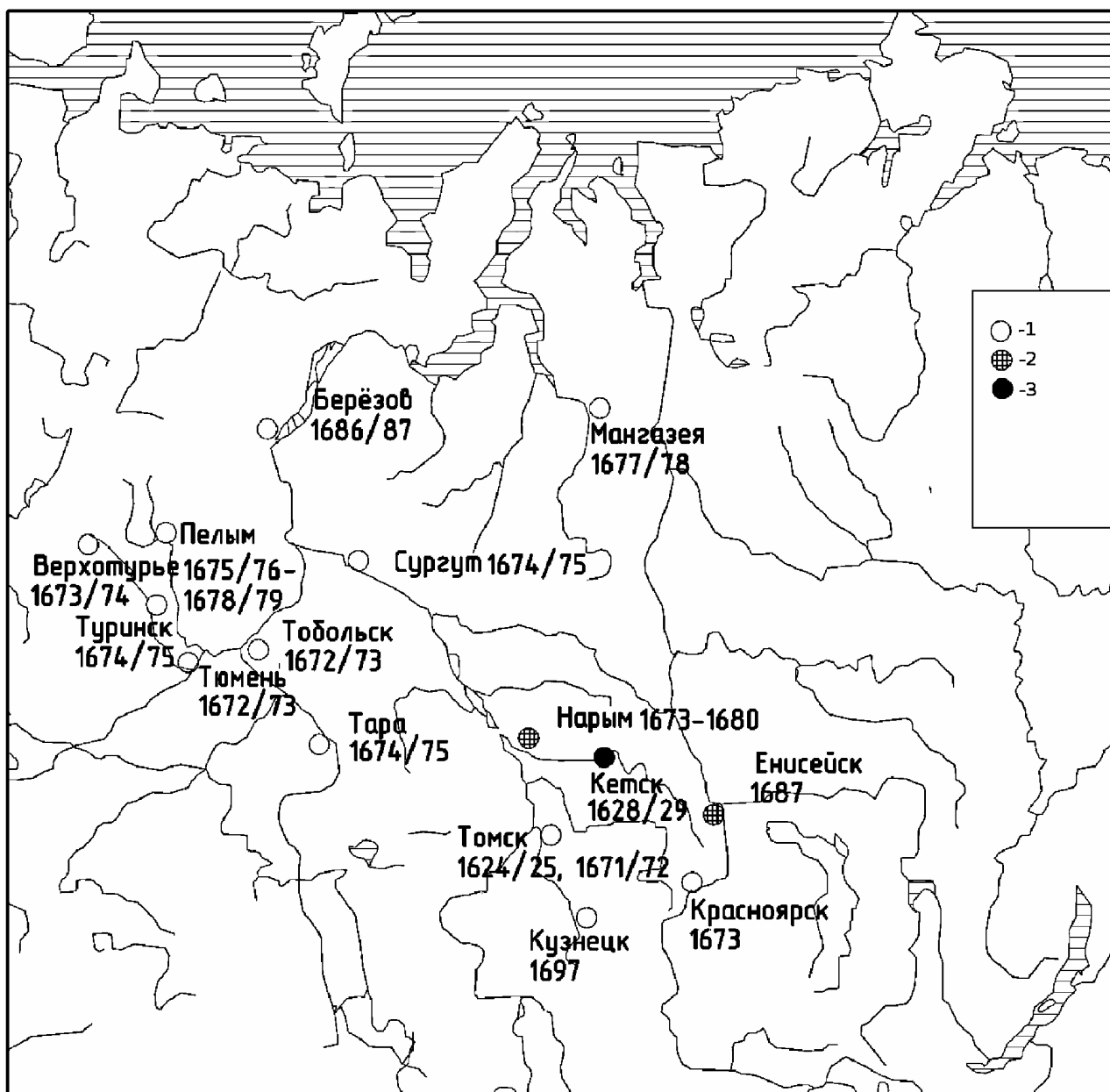

Города Сибири XVII в., таможенные книги и иные документы которых были опубликованы в серии «Таможенные книги сибирских городов XVII века» в 1997–2004 гг.

На карте подписаны названия населенных пунктов, таможенные и иные документы которых (с указанием дат создания этих документов), были опубликованы в сборнике «Таможенные книги сибирских городов XVII века»: 1 — таможенные книги; 2 — расходные книги; 3 — иные документы таможенного управления.

Ю. В. Кириллов

**ТАМОЖЕННЫЕ КНИГИ ПСКОВСКОГО РЕГИОНА XVII в.
КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК**

Деловая письменность сыграла значительную роль в формировании национального русского языка. Особенно ценны как источник сведений о языке документы региональной деловой письменности, так как они сохраняли следы живой разговорной речи прошлого. Региональные особенности наиболее ярко проявляются именно в документах местных не крупных учреждений. Такие документы сохранились в относительно большом количестве, но многие из них до сих пор не исследованы в лингвистическом плане. С псковскими памятниками деловой письменности работает коллектив

СПбГУ, материалы памятников активно используются при составлении Псковского областного словаря с историческими данными (ПОС), работы над которым начинались под руководством Б. А. Ларина. Активно ведется исследование и в Псковском государственном педагогическом университете: известны работы Л. Я. Костючук¹, с документами Псково-Печерского монастыря работают Н. Д. Сидоренская, Е. В. Ковалых². Ряд исторических работ посвящен обзору деловых документов псковского региона. Так, документы псковской Приказной избы XVII в. описаны в работах А. П. Богданова и А. И. Плигузова³. Обращались к псковским таможенным книгам как историческому источнику В. А. Богусевич⁴, Ю. А. Тихонов⁵, А. Ц. Мерзон⁶. Известны публикация и исследования А. В. Юрасовым таможенных книг псковского региона⁷. Таможенным документам посвящен и ряд лингвистических исследований. Так, о Псковской таможенной книге 1749 г. писала И. А. Малышева⁸. Одна из первых публикаций по материалам великолукских таможенных книг 1669–1676 гг. принадлежит Е. В. Чендековой⁹.

Рассмотрим таможенные документы псковского региона XVII в. как лингвистический источник на примере великолукских таможенных книг 1669–1676 гг., книги Псковской Большой таможни 1670/71 г., а также книг Псковского гостиного немецкого двора 1670/71 г. и Псковской рыбной таможни 1670/71 г. Оригиналы великолукских таможенных книг хранятся в РГАДА в фонде Разрядного приказа (ф. 210) в составе книг Денежного стола (Оп. 6–ж)¹⁰. Таможенные книги города Пскова XVII в. хранятся в Отделе рукописных и редких книг Псковского государственного объединенного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника в фонде Приказной избы (ф. 607, оп. 65). Они представляют собой конволют, в состав которого, помимо уже названных, входит ряд документов, объединенных территориально (окружающая Псков территория — Воронач, Выбор, Вышегород, Гдов, Изборск, Кобыльск, Опочка, Остров, Печки) и по времени (около 1670/71 г.)¹¹.

Великолукские таможенные книги в публикации А. В. Юрасова представлены четырьмя беловыми и одной черновой книгами. Беловые книги написаны одним почерком (черновая — несколькими). В книге Псковской Большой таможни 1670/71 г. записи сгруппированы по времени уплаты пошлин (по месяцам), а внутри таких групп выстроены в хронологическом порядке по времени явки товара; каждая группа записей отделена от соседней чистым листом. Такая организация отличает ее и от великолукских, и от других книг в составе конволюта (в них записи расположены в хронологическом порядке по месяцам и числам). Книги города Пскова написаны несколькими почерками. Встречаются отдельные приписки и исправления, но в целом записи выполнены аккуратно. Собственно-ручных подписей торговцев (рукоприкладств) не имеется. Книги имеют беловой характер.

Наиболее богатый материал книги псковского региона содержат для изучения лексики. Таможенные книги являлись документами торгового дела, что обуславливает наличие в них значительно количества слов, обозначающих понятия, связанные с торговлей. О составе торговой лексики XVII в. Б. А. Ларин писал: «Эти три группы слов — названия мер и денежных единиц, названия товаров и их сортов, названия процессов производства и торговли — составляют запас профессиональной лексики, терминологии, которую ввела в русский язык посадская среда»¹². В таможенных книгах эти категории лексики представлены неравномерно: для фиксации денежных операций требовались точные указания на единицы измерения товаров и денежные суммы, подробное перечисление товаров и указание их характеристик. В языковом плане это определяло очень слабую представленность и малое разнообразие глагольной лексики и наличие большого количества номинативных единиц.

Может быть выделено несколько крупных групп лексики. В статьях содержательной части таможенных книг в реквизите характеристики товара представлены лексико-семантическая группа «метрологическая лексика» (*аршин; берковск; осмина, асмина; осмак; пуд* и др.), включая также наименования денежных единиц (*алтын; гривна; копейка; рубль* и др.) и используемые для торговых нужд наименования предметов как счетных единиц (*головка (чеснока); косяк (мыла); куль (снетков); кумач; лубка (меда); мех (соли); рогоза (снетков)* и др.).

Для характеристики товаров используются лексико-семантические (ЛСГ) и лексикотематические группы (ЛТГ), содержащие наименования товаров и их характеристики: ЛСГ «наименования животных» (*баран; боров; бычок; животина; животинина; козел; козелок; корова; нетель; скот* и др.); ЛТГ «названия шкур и мехов» (общие: *кожа, мех*; по отношению к животному: *белка, бобр, волк, выдра, горностай, куница, лисица, норка; рысенок; зайчина, козлиная, норица; коровья, яловичья*; по способу изготовления: *деланный*; по качеству: *хребтовый, черевий*¹³ и др.); ЛТГ «названия мяса и сала» (общие: *мясо, сало*; по отношению к животному: *свинина; свиной; ворвань*¹⁴; по обработке: *сырец*; по способу изготовления: *мясницкого бою*); ЛСГ «названия рыбы» (общие: *рыба; рыбный*; по видам рыбы: *беребра, окунь, плотва, платица, ряпуха, ряпушка, сельдь, сиг, синец, снет, снеток, угорь, шабер, шерешпер, щука*; по времени отлова: *вешняк, зимний*; по способу обработки:

вялый, просол, свежий, сухой); ЛСГ «названия зерновых и бобовых» (*горох; жито; овес; пшеница, рожь; хлеб*); ЛСГ «названия овощей» (*огурец; лук; чеснок*); ЛТГ «названия спиртных напитков» (общее: *вино*; по назначению: *церковное*); ЛТГ «названия хозяйственной утвари» (*ложка, ножик, сковороды*; по материалу: *кафельчатый*¹⁵); ЛТГ «названия видов ткани» (*кумач; сукно*; по качеству: *люндыш*¹⁶, *простое*); ЛТГ «названия видов сырья» (общие: *железо, свинец, уклад*; по происхождению: *алонское, свитцкое*); ЛСГ «названия строительных материалов» (*доска, дортица, щепка*).

В статьях содержательной части таможенных книг в реквизитах указания на операции явки товара, продажи и взвешивания товара, взятия пошлины, подачи выписи представлены лексика ЛСГ «глаголы, обозначающие действия, связанные с торговлей и таможенным делопроизводством»: *взять, купить, отвесить, отмерить, платить, положить (выпись); продать, сделать, явить*.

В начальных протоколах статей содержательной части таможенных книг и начальных протоколах таможенных книг широко представлена лексика с общей семей «человек». Отметим, что выбор наименований людей весьма избирателен. Исследование показало, что структура группы обусловлена назначением документов — фиксацией взимания пошлин с различных торговых операций. Для этого требовалось обозначить всех участников операции так точно, чтобы впоследствии было возможно их опознать. Поэтому наиболее важной (кроме, конечно, имени собственного) была информация о территориальной принадлежности человека; затем шла информация о социальном статусе участников торговой сделки. Эти сведения, хотя и могли оказать помощь в идентификации торговца, были дополнительными. Разнообразие наименований человека в таможенных книгах объединяется в четыре неравноценных по объему ЛТГ.

1) ЛТГ «наименования человека по отношению к месту жительства»: *борисоглебец, витебленин; витебский (мещанин), луцкий (казак)* (выявлено 87 лексем и словосочетаний). По данным И. А. Малышевой, в материалах таможенных книг XVIII в. ядро данной группы составляли существительные, образованные от топонимов (*московитин*); примыкали к группе сочетания слова *житель* в Р.п. с оттопонимическим прилагательным (*брянской житель*) или существительным-топонимом (*села Ра³ве^мя жыте^н*)¹⁷. В псковских таможенных книгах XVII в. стандартизация способов передачи информации о месте жительства участвующих в торговой сделке лиц была менее жесткой. Наиболее частотными способами указания на территориальную принадлежность человека были существительное, образованное от топонима (*псковитин*) и сочетание существительного, обозначающего социальный статус, и оттопонимического прилагательного (*псковской казак*). Мог использоваться и топоним (*со Ржевы князь Михайловъ кр^стьяни^н Шаховско^о цшка Кондратьевъ...*) (ПТКБТ 1670/71. Л. 234). Отсутствие четких предписаний и большая роль делопроизводственных традиций в формировании формуляра таможенных статей определили разнообразие способов передачи сведений о месте жительства. Информация могла передаваться и косвенно — путем указания на топообъект с известной территориальной принадлежностью (*взято на покровском попе Михаиле Маркове...* (ВлТК 1670/71. Л. 304 об.), т. е. «церкви Покрова Богородицы в городе Великие Луки»), указанием на подданство государству. Например, словосочетание *торговый иноземец* употребляется в значении «профессиональный торговец»: *псковити^н поса^оцко^н члвкъ Иванъ Ананы^н Сы^рнико^о прода^н и отвѣси^н т^мр^огово^му иноземцу Федору Ба^нсыреву...* (ПТКГНД 1670/71. Л. 394 об.–395). Словосочетание сходно с сочетаниями *купецкий человек* и *торговый человек*, но отличается от них тем, что содержит сему «иностранец, подданный другого государства» и, таким образом, указывает не только на род занятий человека, но и на его территориальную принадлежность.

2) ЛТГ «наименования человека по отношению к общественному положению». В составе группы зафиксированы наименования, отражающие сословную дифференциацию общества и светские феодальные ранги: *князь, дворянин, шляхтич, шляхта, мещанин, посадский человек, вольный человек, крестьянин, бобыль*; формы феодальной зависимости: *дворцовый, митрополичий, монастырский, патриарший*; ранги духовной иерархии: *поп, причетник, дьякон, пономарь, братия*; профессиональное разделение людей: *казак, стрелец, торговый человек, сторож, ямщик*; воинские звания: *рядовой, десятник, пятидесятник*; отношение к службе: *отставной* (отмечена 81 лексическая единица). Имеется специфика, связанная с косвенной передачей лексемами ЛТГ «наименования человека по отношению к общественному положению» и информации о территориальной принадлежности. Зафиксирован ряд значений лексем, не отмечавшихся в памятниках, послуживших материалом для исторической части Псковского областного словаря (ПОС). Например, у слова *вкладчик* в ПОС отмечается только значение «кто вносит пожертвование, дар» (4: 38). В книге Рыбной таможни 1670/71 г. слово употребляется в значении «пайщик»: *...збираны г^сдрвы о^брочные де^нги... со вкла^очико^о и с поновоч^никовъ и со псковски^х и с ы³бо^рскихъ и с пече^рскихъ рядовичъ и с тала^оля^н рядовые де^нги...* (ПТКРТ 1670/71. Л. 592)¹⁸.

3) ЛТГ «наименования человека по отношению к родству». Отмечены наименования собственно по родству (слово *сын*) и по передающемуся по наследству общественному статусу (словосочетания *казацкий сын*, *пушкарский сын*).

4) Информация о национальной принадлежности торговца сообщалась редко и преимущественно лишь в тех случаях, когда она косвенно указывала на его территориальную принадлежность. Поэтому ЛТГ «наименования человека по отношению к национальности» представлена только одной лексической единицей — лексемой *жид*¹⁹. Примыкают к данной ЛТГ слова и словосочетания, в значении которых содержится косвенное указание на национальную принадлежность — *иноземец*, *торговый иноземец* (в значении ‘подданный другого государства’) и вступающее с ними в контекстуальные антонимические отношения словосочетание *русский человек* (в значении ‘подданный Московского государства’).

Широко представленные в исторических словарях группы наименований человека по действию, по внешнему виду, по полу, по физическим и психологическим состояниям и свойствам, вовсе не получают отражения в содержательной части таможенных книг²⁰, как не свойственные данному виду деловых документов. Однако во входящих в состав расходных разделов таможенных книг *списках* с документов других типов обнаруживается более широкий круг лексики с семой ‘человек’. Так, в *списке с челобитной* о выделении денег на транспортные расходы появляются совершенно закономерные, предписанные реквизитом документа и деловым этикетом XVII в. обозначения состояния просителей: *голодны и наги*.

Проводимые наблюдения над спецификой языкового оформления текстов в таможенных книгах псковского региона XVII в. свидетельствуют о значимости памятников как лингвистических источников, в том числе для пополнения лексических материалов в исторической части Псковского областного словаря.

Примечания

¹ См.: Костючук Л. Я. Псковские говоры в помощь пониманию псковских документов прошлого // Псковские говоры: Синхрония и диахрония: Межвуз. сб. науч. тр. Псков, 2003. С. 135–147.

² См.: Сидоренская Н. Д. Монастырские книги Псково-Печерского монастыря XVII века как лингвистический источник // Псковские говоры и их окружение: Межвуз. сб. науч. тр. Псков, 1991. С. 128–139; Ковалых Е. В. 1) К изучению переписных книг XVII в. как ценных лингвистических источников (на материале хозяйственных книг Псково-Печерского монастыря) // Псковские говоры: синхрония и диахрония. С. 103–110; 2) Общерусское и региональное в языке псковских монастырских хозяйственных книг XVII века: Дис. ... канд. филол. наук. Псков, 2000.

³ Богданов А. П., Плигузов А. И. Книги Псковской приказной избы XVII в. // Советские архивы. 1987. № 4. С. 77–83.

⁴ Богусевич В. А. Псковские купцы XVII в. Русиновы // НИС. Новгород, 1940. Вып. 8. С. 38–52.

⁵ Тихонов Ю. А. Таможенная политика Русского государства с середины XVI до 60-х гг. XVII в. // ИЗ. 1955. Т. 53. С. 258–290.

⁶ Мерзон А. Ц. Таможенные книги XVII века: Учеб. пособие по источниковедению истории СССР. М., 1957.

⁷ Юрасов А. В. Внешняя торговля Пскова в XVII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1998; Таможенные книги города Великие Луки (1669–1676 гг.) / Подгот. к печати А. В. Юрасов. М., 1999.

⁸ Мальшева И. А. Псковская таможенная книга 1749 г. как лингвистический источник // Псков в российской и европейской истории: (К 1100-летию первого летопис. упоминания). М., 2003. Т. 2. С. 245–250.

⁹ Чендекова Е. В. К вопросу о лексико-семантических связях в тематической группе «названия тканей» в русском языке XI–XVII вв. // Материалы XXXII Международной филологической конференции. СПб, 2003. Вып. 11, ч. 2. С. 34–40.

¹⁰ Таможенные книги города Великие Луки... С. 13.

¹¹ Мы уже писали об этом конволюте: Кириллов Ю. В. Приходо-расходная книга Псковской таможи 1670/71 г. как лингвистический источник (предварительные наблюдения) // Материалы секции «Историческая лексикология и лексикография» XXXVII Международной филологической конференции, 11–15 марта 2008 г. (в печати).

¹² Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (X — середина XVIII в.): Учеб. СПб., 2005. С. 328.

¹³ Ср. у В. И. Даля: *хребтовый мех* — ‘из хребтов шкуры; самый прочный, но грубый’ (Даль. Т. 4. С. 565). При отсутствии словосочетания *черевий мех*, фиксируются слова с корнем *черев-*: *черево*, *черевья*, *черевязо*, *черевязь* в значении ‘брюшко меха’ (Даль. Т. 4. С. 591). Предполагаем, что словосочетание *черевий мех* означает ‘мех на шкурах с брюшка’.

¹⁴ *Ворвань* — ‘жир, вытопленный из морских млекопитающих и рыб’ (СлРЯ XI–XVII вв. Вып. 3. С. 28).

¹⁵ *Корельчатая ложка* — ‘изготовленная из корня дерева’ (Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. М., 2005. Вып. 2. С. 179–180).

¹⁶ Слово указывает на два признака сукна: происхождение (‘лондонское’ [СлРЯ XI–XVII. Вып. 8. С. 306]) и качество (‘дорогое’). В контекстах качественное *сукно лондыш* противопоставляется дешевому *простому сукну*.

¹⁷ Мальшева И. А. Памятники деловой письменности XVIII века как объект лингвистического источниковедения. Хабаровск, 1997. С. 74–75.

¹⁸ Историческими словарями у слова *вкладчик* зафиксированы значения: ‘тот, кто делает вклад, пожертвование (для монастыря)’; ‘пайщик’ (СлРЯ XI–XVII. Вып. 2. С. 198–199); ‘кто делает вклад, пожертвование в монастырь, церковь’; ‘кто вносит свою долю средств в какое-л. дело (?)’ (Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. СПб., 2006. Вып. 2. С. 222).

¹⁹ В 80 % контекстов, в которых присутствует указание на национальную принадлежность продавца, отсутствует формула указания на его территориальную принадлежность. Ср.: ...*взято на жиде на Осине Якобове* (ВлТК 1670/71. Л. 310). В случаях с другими категориями торговцев пропуски этой формулы практически не встречаются, что может свидетельствовать о том, что слово *жид* устойчиво ассоциировалось с определенной территориальной принадлежностью. Понятие «черта оседлости» появилось в XVIII в., однако оно закрепляло исторически сложившуюся ситуацию: большинство евреев в конце XVII в. проживало на западных территориях. Псков и Великие Луки в черту оседлости не входили и потому упоминания наименования по национальному признаку было достаточно для однозначного определения положения торговца в важной для взимания пошлин системе координат «местный — не местный».

²⁰ Зафиксировано одно слово — наименование лица женского пола *просвирица* — «женщина, занимающаяся выпечкой просвиры» (СлРЯ XI–XVII. Вып. 20. С. 215). Тем не менее отражение разделения наименований человека по гендерному признаку не характерно для таможенных документов. Слово *просвирица* зафиксировано не в основном массиве контекстов содержательной части великолукской таможенной книги 1669/70 г., а во включенном в расходный раздел *списке с памяти* воеводы о выплате жалования священнослужителям.

А. В. Топычканов

ЦЕНОВАЯ СТРАТЕГИЯ ПРИКАЗА ТАЙНЫХ ДЕЛ

Приказ Тайных дел в свой деятельности прошел эволюцию от Потешной палаты, занимавшейся организацией соколиной охоты и выполнявшей частные поручения царя Алексея Михайловича, к приказу, выполнявшему функции царской канцелярии и ведавшему государевыми тайными делами. В 1663 г. он был преобразован в приказ с традиционной территориальной компетенцией, основными задачами которого, наряду с тайными делами, стало обеспечение хлебом московских стрельцов и управление царскими хозяйственными предприятиями¹. Именно на последнем этапе деятельности приказа сформировалась его ценовая стратегия. После смерти царя Алексея Михайловича в 1676 г. Тайный приказ был ликвидирован.

А. И. Заозерский, изучая хозяйственную политику Приказа Тайных дел и его торговые операции с недвижимостью, обратил внимание на то, что самостоятельной ценовой политики в отношении недвижимости приказ не выработал. Он лишь стремился разнообразными способами приобретать те территории, которые соответствовали его хозяйственным планам, т. е. были пригодны для земледелия, сенокоса, устройства винокурен, мельниц, солеварен, рыбных ловель и т. д.² Целью хозяйственной деятельности приказа на приобретенных территориях было получение прибыли³.

Агенты Тайного приказа, выполняя различные поручения, следили за ценами, их колебаниями, спросом и возможностями оптимального сбыта товаров в разных местностях России, что позволяло использовать для получения прибыли разницу цен как на внутреннем рынке, так и на внешнем. Особенное внимание обращалось на колебание цен на хлеб и другие товары в Москве⁴. Ценовая стратегия приказа ориентировалась на московскую торговлю, которая по своему объему превышала торговлю не только российских, но даже многих восточноевропейских городов⁵.

Царь Алексей Михайлович получал товар с низкой себестоимостью, либо производя его на собственных «заводах» с собственными материальными и трудовыми ресурсами, либо покупая его в отдаленных регионах и за границей. К царским «заводам», созданным преимущественно в 1660-е гг., относятся опыты по выращиванию экзотических растений (тутового дерева, винограда, арбузов) в Москве и Симбирске, винокурни, скотные дворы, рыбные садки и соляные варницы вблизи Москвы, поташные, железоделательные, стекольный, сафьяновый, хамовный, кожевенный, кирпичный заводы близ Москвы или в соседних регионах и поиски полезных ископаемых на Русском Севере и Урале⁶. Алексей Михайлович особое внимание уделял начальной фазе экономического цикла хозяйственной деятельности Тайного приказа — фазе экспансии, которая сопровождалась вводом в действие новых «заводов», ростом объемов производства, занятости и инвестиций.

При реализации продукции Алексей Михайлович ориентировался на средние цены московского рынка, поэтому развитие хозяйственной деятельности Тайного приказа не привело к заметному росту цен на производимые товары. Таким образом, основным инструментом по поддержанию равновесия бюджета Тайного приказа были взаимообусловленные ввод в действие новых «заводов» и рост объемов производства, занятости и инвестиций, а не ценовая политика.

В связи с этим, создавая тот или иной «завод», Тайный приказ основное внимание уделял его функционированию, а способы реализации продукции зависели от потребностей рынка, например, изделия Измайловского стекольного завода сбывались в лавке на Гостином дворе, вино крупными партиями продавалось в Приказ Новой чети, который занимался его дальнейшей реализацией, а продукция Строкинского кирпичного завода, которая по своему качеству не могла конкурировать с кир-